

ПРОШЛОЕ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

НЕРАСТРАЧЕННОЕ
Время

Мария Слуницкая

Мария Слуницкая

Нерастраченное время

«Автор»

2023

Слуницкая М.

Нерастраченное время / М. Слуницкая — «Автор», 2023

Принято считать, что время лечит любые раны, даже смертельные. Неправда. Лекарь из него так себе. Душа штопается наспех. Стежки выходят уродливые и кривые, а шрамы не заживают годами. Пора бы уже смириться, что легче не станет. Ни через год, ни спустя вечность. В мире, где у тебя отняли самое дорогое, остаётся лишь впустую прожигать отпущенное тебе время. Что я и делаю. Виртуозно. С размахом. Сжигаю его нещадно, будто ненужный хлам... в надежде, что скоро оно состарит меня и отпустит к Сонечке. Но однажды всё меняется. В мою жизнь врывается человек, которому я могу подарить себя и своё ещё нерастраченное время...

© Слуницкая М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Смерть – это на всю жизнь	5
День 3-й. Тишина	5
День 3-й. Поминки	7
День 7-й. Детская	9
День 9-й. Наталья Ивановна	10
День 23-й. О Боге	12
День 34-й. Зеркало	14
День 40-й. Смерть	15
День 51-й. Вселенная	17
День 78-й. Фотографии	18
День 87-й. Сон	19
День 92-й. Разговор	21
День 100-й. Выход в свет	22
День 114-й. Сделка	23
День 122-й. Врач	25
День 137-й. Пляж	27
День 142-й. Уголок памяти	28
День 163-й. Первый снег	29
День 190-й. Предложение	30
День 221-й. Новый год	31
День 256-й. Сладкий кошмар	34
День 286-й. Памятник	35
День 318-й. День рождения Сони	37
День 366-й. Кладбище	38
День 366-й. Квартира	39
День 404-й. Нам нужно поговорить...	40
День 407-й. Одиночество	42
День 422-й. Телефонный звонок	43
День 436-й. Поход в магазин	44
День 452-й. Поиск работы	46
День 459-й. Долгожданное письмо	47
День 498-й. Будущий бывший муж	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нерастраченное время

Часть I. Смерть – это на всю жизнь

День 3-й. Тишина

После похорон я возвращаюсь домой одна. Саша поехал в кафе, потому что не очень-то вежливо бросать народ на поминках. Тем более, если это поминки твоей собственной дочери... Нужно держать лицо, только вот у меня не выходит.

Оказавшись в квартире, скидываю тесные балетки, от которых ломит ноги, и привычно зову Сонечку... Но в ответ раздаётся тишина. Густая. Клейкая. *Мёртвая*. И только теперь до меня по-настоящему доходит – Сонечки больше нет.

Боль землетрясением обрушивается на грудь, судорожно пытаюсь дышать, но давлюсь воздухом, будто битым стеклом. Спотыкаясь, бреду в кухню, чтобы выпить воды, но по дороге замечаю небрежно брошенную на спинке кресла пижаму. Сколько раз я за неё отчитывала Соню!

Подхожу ближе и легонько глажу пушистого динозаврика на кофте, весело мне подмигивающего. Колючий воздух испаривает глотку. Бреду дальше, но взгляд цепляется за лежащую на журнальном столике фигурку сказочной феи.

Протягиваю руку и касаюсь её дрожащими пальцами и вдруг ощущаю до боли знакомый запах печенья, что мы пекли тем трагическим утром. Закрываю глаза, и воспоминания обволакивают сознание, словно густой кисель то самое печенье, если его как следует помакать в чашку...

– Эй, Пончик, ты где?

Забавное прозвище родилось как-то само собой, ещё в первые дни после выписки из роддома. Сонька тогда и вправду походила на булочку с румяными щёчками, а уж рифму сочинить смог бы даже самый ленивый: Сончик-Пончик...

– Мам, я тут!

Соня со всех ног несётся ко мне, напоминая торнадо. Не успев вовремя остановиться, она впечатывается в меня с разбегу и обнимает так сильно, что ещё чуть-чуть и мои ребра хрустнут, но я молчу, крепко прижимая её к своей груди. Такие объятия дорогого стоят.

– Между прочим, я навожу порядок в своей комнате!

– Моя ты умница! – шутливо щелкаю её по курносому носику. – Вот, смотри, это тебе! От нас с папой в честь окончания четвёртого класса.

Я протягиваю небольшой подарок, упакованный в лимонную бумагу с белоснежным кружевным бантом сверху. Сегодня последний учебный день, оценки выставлены. Сонечка вышла отличницей. Так чем не повод порадовать дочку?

– Ух ты!..

Голубые глаза дочери загораются любопытством, а проворные пальчики, вскрыв упаковку, достают долгожданную фигурку маленькой Серебрянки. Мультик о приключениях фей стал любимым у всех девочек от пяти до двенадцати. И каждая грезит о собственной коллекции лесных красавиц. У нас уже есть Динь-Динь, Розетта и Фауна. Теперь очередь Феи воды.

– Это же Серебрянка! – её голос звенит, будто в железную банку насыпали мелочи и хорошенько встряхнули. – Ма-а-м, как кру-уто! Спасибо!

Чмок, чмок, чмок. Это поцелуи обожгли нежностью мою щеку.

– Можно я сбегая к Юльке, покажу? – сложив ладошки вместе, Соня смотрит на меня умоляюще. – Ну пожа-а-алуйста!

Лучшая подруга дочери живёт двумя этажами ниже нас.

– Ладно, – сдаюсь я, даже не подозревая, что это последний раз, когда я вижу свою дочь живой...

Выныриваю в реальность, хрипя и задыхаясь. Практически вваливаюсь в кухню, где царит идеальный порядок, как будто ничего не изменилось. Но это лишь видимость. *Изменилось решительно все.*

Открываю шкафчик и провожу указательным пальцем по расставленным в ряд стаканам. Дрожащей рукой беру один, но не удерживаю, и он летит на пол.

Ненавистная тишина разбивается вдребезги. Хватаю следующий стакан и уже сама отправляю его вслед за первым. И вот я уже судорожно выгребая содержимое шкафов, круша все вокруг. Вилки и ложки тоже летят со звоном вниз.

Неожиданно замираю, когда в руках оказывается радужная кружка с надписью «*любимой мамочке*» – подарок мне от Сони на 8 марта. Занесённая для броска рука сама собой опускается.

И снова меня окутывает тишина, заползая в уши, в рот, в глаза, в ноздри. И тут, среди мёртвого безмолвия, я вдруг слышу нечеловеческий вой. Не сразу понимаю, что это я сама истошно вою. Сползаю на пол и начинаю орать так, точно меня режут. В какой-то момент во всем этом хаосе звучит посторонний шум, и на пороге кухни возникает растрёпанный Саша.

День 3-й. Поминки

Он все-таки привёз меня в кафе, правда, предварительно заставил принять ударную дозу успокоительных. Но от горя нет лекарства. Таблетки дарят лишь отупение, как будто ты спишь и смотришь со стороны за крушением собственной жизни.

Находясь в каком-то вакууме, заторможенно наблюдаю, как гости рассаживаются за столами, переговариваясь шёпотом и поглядывая на меня с жалостью. Только мне их жалость не нужна. Мне нужна моя дочь, живая и невредимая... Но от смерти тоже нет рецепта.

– Мам, а смерть – это на всю жизнь? – как-то спросила меня за завтраком шестилетняя Сонечка.

И вот я уже оказываюсь на кухне: тону в хаосе утренних сборов и готовлю тосты.

– Да, Сонь, смерть – это *навсегда*... – поправляю я, густо намазывая тост персиковым джемом.

– Получается, если я умру, ты будешь сильно скучать?

Внимательные глазки следят за мной с интересом, а ладошки гладят маленького жирафа, восседающего у неё на коленях. Плюшевый питомец по кличке Жужа – лучший друг Сони с трёх лет.

– Сильно-сильно...

– Ой, мне тебя будет жалко... – её нижняя губа оттопырилась и задрожала. Вот-вот и моя девочка заплачет.

– Не переживай, ведь у тебя впереди долгая-долгая жизнь! – обещаю я. – А теперь ешь, а то опоздаем в сад!

– Угу, – соглашается Соня, облизывая липкие пальцы и запивая хрустящий хлеб чаем.
А моё обещание не сбылось.

Какой-то шум бесцеремонно возвращает меня в кафе. Хочу уплыть назад по реке воспоминаний, но не тут-то было. Вокруг стоит гул. Оказывается, все заскучали в ожидании еды.

Наконец, скорбные лица присутствующих оживляются, когда официанты вносят подносы с «первым». Начинается борьба за борщ и суп-лапшу. Настоящее противостояние.

– Вообще-то, борщ просила я! – женщина за соседним столом, в которой я узнаю соседку из третьего подъезда, обиженно отодвигает от себя тарелку с лапшой, – Вот так всегда... – вздыхает она, словно потеря борща – худшее, что может произойти с человеком в жизни.

Мне становится тошно. Отчаянно жалею, что не осталась дома, но Саша был непреклонен:

– Ты должна. Ради Сони...

Ради Сони...

Ради своей дочери я бы отдала жизнь. Только эта жертва оказалась без надобности – Сонечку у меня безжалостно забрали. Бог? Судьба? Не все ли равно? Главное, моей девочки больше нет.

– Соня умерла...

Перевернувшие жизнь слова костью застряли в горле.

– Но люди придут почтить её память, – настаивал Саша.

Все мои возражения о том, что людям, по большому счету, на нас плевать, остались не услышанными. И вот теперь я сижу в кафе с пафосной вывеской «Щастье!» рядом с теми, для кого поминки – возможность поесть, да посудачить. Никогда не понимала, почему на похороны обязательно зовут всех знакомых и соседей. Делиться своей болью с малознакомыми людьми – это... *странно*. Когда я хоронила маму, гостей можно было пересчитать по пальцам. Причём, только одной руки.

Сейчас же я вижу, что и до самой Сонечки почти никому нет дела, и уже завтра-послезавтра все возвратится на круги своя. Соседи вернутся к привычному укладу жизни. Одноклассники и друзья разъедутся на каникулы. Учителя ещё какое-то время помусолят нашу трагедию, передавая друг другу смачные подробности, а потом со спокойной душой сбегут из душной школы в отпуск.

– К вашему сведению, я тоже просила борщ! – раздаётся откуда-то сбоку гнусавый женский голос.

Молоденькая девушка в жёлтом переднике растерянно переводит взгляд с одной женщины на другую.

– Ну что ты, милочка, глазами-то хлопаешь?! Если я сказала борщ, значит неси борщ! – верещит соседка.

Робкий голос официантки звучит так тихо, что её почти не слышно:

– Простите, я сейчас поменяю...

Чувствую, как злость накатывает на меня волной цунами. Не выдержав, вскакиваю со своего места и обвожу глазами присутствующих. Ложки как по команде замирают где-то на полпути. Силюсь что-то произнести, но не могу... Сил нет. Да и не поймут. Ненавижу их всех. Ненавижу себя. Потому что *смерть – это на всю жизнь*.

– Ладно... давайте свою лапшу... – снисходительно соглашается соседка, а я обречённо опускаюсь на стул.

День 7-й. Детская

Мой мир теперь сводится к детской.

Здесь время замерло, как наиболее удавшийся кадр в кино, позволяя... дышать. Словно Соня только что вышла и вот-вот вернётся: рюкзак на привычном месте, а на столе веером разложены тетради – она собиралась перебрать их на летних каникулах.

Учебный год закончен. И только для Сонечки – навсегда...

Больше ей не придётся решать примеры или писать диктанты... как и рисовать. Смеяться. Волноваться из-за контрольной. Бегать на свидания. Любить. Чувствую, что снова плачу, хотя ещё несколько минут назад мне казалось – слез не осталось.

Ложусь на Сонину тахту и укрываюсь покрывалом с пятнистым Бемби. Вдыхаю аромат детского шампуня и мыла – такого родного, такого живого, будто моя дочка здесь, рядом, стоит лишь руку протянуть...

Прижимаю к груди Жужу. Не то. Все не то.

Я больше никогда не смогу обнять свою девочку. Её поглотила земля. А моя жизнь пошла трещинами, как яичная скорлупа, и в итоге рассыпалась в труху.

Я заперла себя в четырёх стенах, имя которым – боль, отчаянье, горе и, как ни странно... любовь. Моя любовь к дочери оказалась выброшенной на обочину, словно бездомный котёнок, которому больше некому дарить своё тепло и ласку.

Без моей девочки я утратила смысл жизни, но обрела... *время*. Я ем его на завтрак, уплетаю на обед и даже на десерт остаётся. И что я делаю?... *Вспоминаю*.

Вспоминаю, как Соня впервые назвала меня мамой.

Как задорно она смеялась, стоило слегка пощекотать её нежные пяточки.

Как был обнаружен под ёлкой огромный подарок.

Или как она училась кататься на двухколёсном велосипеде... Закрываю глаза, и в памяти всплывает далёкий весенний денёк. Тогда так легко дышалось сиренью и счастьем!

– Пончик, держи руль ровно! – я отчётливо слышу Сашин голос.

– Я сейчас упаду-у-у! – визжит Сонечка, вцепившись в руль, но смеётся на весь двор, ведь рядом с папой ей ничего не страшно. – Мам, смотри, у меня получается!

И у неё действительно получается! Я хлопаю в ладоши от восторга. Сама я ездить не умею. У меня и велосипеда-то никогда не было, потому что мы с мамой едва сводили концы с концами. Став взрослой, я пообещала себе, что у моих детей будет все, о чём мечтала я.

Ба-бах! Велик наклонился вправо, и Сонька полетела на землю.

– Сонь, ты как?! – несусь к дочери со всех ног.

Она вроде поднимается, отряхиваясь, а я выдыхаю. Но ровно до тех пор, пока всю округу не оглашает вопль – Сонечка разглядела кровь на коленке.

– Катюш, тебе нужно поесть... – это Саша, выдернув меня из воспоминаний, нерешительно мнётся на пороге.

– Не хочу... – произношу с отвращением, которое относится не к еде, а к жизни в целом. Не хочу жить. Не хочу быть. Не хочу чувствовать.

День 9-й. Наталья Ивановна

Очередное утро наступило, возвестив об этом всю округу уличным шумом: машины засновали туда-обратно, мусоровоз устало заскрипел своими уродливыми клешнями.

Я на тахте, рядом лежит Жужа и глядит на меня безжизненными пуговичными глазами. Наверное, у меня сейчас такой же потухший взгляд.

Из-за закрытой двери слышатся приглушенные голоса и какая-то возня.

– Не нужно на неё наседать... – узнаю Сашу.

– Мальчик мой, ты слишком потекаешь ей. Не она первая, не она последняя... – не смазанными петлями проскрипел другой голос.

Теперь я знаю, кому он принадлежит. Наталье Ивановне, Сашиной тётке. Значит, всё-таки приехала... На похоронах её не было: кажется, застряла за границей и не смогла вылететь сразу.

Наталья Ивановна – единственная, кто остался из Сашиной родни. Родителей у него никогда не было: отец бросил мать, как только узнал о её беременности, а та умерла при родах.

Так что до шестнадцати лет воспитывал Сашу дед, пока не скончался от сердечного приступа. Вот тогда-то на сцену и вышла Наталья Ивановна, забрав племянника к себе, в областной центр.

К тому времени сама она уже пару лет как была вдовой, но смерть мужа не сломила её, а, напротив, закалила. Саша рассказывал, что квартира тётки больше походит на военный полигон, чем на уютный дом, но я считала, что он преувеличивает, пока сама не побывала на полигоне и не ощутила всю прелесть солдатской муштры на себе.

В доме Натальи Ивановны на каждом шагу – правила, начиная с того, как правильно мыть руки и держать вилку, и заканчивая тем, как нужно жить. Не хватает только стикеров с инструкциями.

– Тётъ Наташ, я прошу вас...

Но Наталья Ивановна всегда всё делает по-своему, поэтому уже через секунду дверь детской открывается, и в комнату солдатским шагом входит та, с кем мне меньше всего хочется сейчас разговаривать.

Отворачиваюсь к стенке, в надежде, что меня оставят в покое. Но эта женщина не знает границ, ни физических, ни моральных и всюду врывается не в своё дело.

– Катерина! – гремит она, хватая меня за плечо. – А ну вставай!

Резко поворачиваюсь, скидывая ненавистную руку, и с гневом смотрю на Наталью Ивановну. Её лицо до того иссушено и измято, что походит на чернослив, а в глазах... впервые за долгие годы я замечаю растерянность. Неверное, это мой внешний вид виноват.

– Что вам надо? – спрашиваю грубо.

Раньше я никогда не позволяла себе так разговаривать, но времена меняются.

Наталья Ивановна, сначала опешив, быстро берет себя в руки и возвращается к привычному амплу генерала:

– Мне надо, чтобы ты встала и перво-наперво приняла душ – вон колтуны какие на голове. Потом причешишься и оденешься.

– Зачем?..

– Хотя бы за тем, что сегодня девять дней!

– Ну и что?

Никто не заставит меня выйти из комнаты: ни бесполезные обряды, ни сочувствующие люди... разве что Сонечка – живая и невредимая, но это только мечты.

– Кать... – это уже застрявший в дверях Саша уговаривает, – пожалуйста...

– Да что ты с ней цацкаешься, будто с дитём! Так она совсем себя угробит! – продолжает греметь Наталья Ивановна, стягивая с меня Сонин плед. – Хватит себя жалеть, Катерина! Все мы кого-то теряем! Я вон мужа похоронила и ничего!

– Не смейте сравнивать! Вам не понять, ведь у вас нет детей! – вцепившись в плед, кричу я. – Муж – это муж, а ребёнок... совсем другое.

Спохватываюсь, когда слышу тихий вздох Саши, но уже поздно. Язык не прикусишь и сказанного не вернёшь... Брошенные в порыве отчаянья, мои слова воздвигли между нами высокую-высокую стену, украшенную сверху колючей проволокой.

День 23-й. О Боге

Вода в ванне давно остыла, но я не спешу вылезать – настоящим камнем преткновения блестит в моих пальцах новенькое лезвие...

Казалось бы, что может быть проще – уйти, прекратив эти муки? Но я не могу. Нет, смерти я не боюсь. Нелепо бояться, если она подарит долгожданное освобождение. Но... если где-то действительно существует рай, моя Сонечка наверняка там.

И я цепляюсь за единственный оставшийся клочок надежды, что смогу однажды с ней встретиться. Глупо, однако мысль о том, что покойников на входе в Эдем тщательно проверяют, взвешивая их грехи, никак меня не отпускает. А самоубийцам, как известно, дорога одна. В ад.

Не то чтобы я была верующей... На самом деле мои отношения с Богом весьма прохладные. Хотя отношений, по сути, никогда и не было. Конечно, в детстве я верила в такого добродушного небесного дедушку, напоминающего волшебника из сказок.

Помню, как обращалась к нему за помощью с просьбой: «Господи, сделай так, чтобы...». Глупая игра: ты мне, а я тебе. Ведь за подобными просьбами всегда следовали искренние обещания вести себя хорошо и выполнять домашние задания в срок.

Господи, пусть меня не ругают за порванное платье...

Господи, пожалуйста, помоги написать контрольную...

Господи, пусть папа вернётся...

Надо ли говорить, что срабатывало далеко не всегда? А уж когда от нас ушёл отец, я пообещала ему все, что могло прийти в голову семилетнему ребёнку: быть послушной, учиться на одни пятёрки, даже была готова отдать все свои немногочисленные игрушки...

Не помогло.

И я отвернулась от Бога и больше к нему не обращалась. Но вся ирония была в том, что мне *пришлось* познакомиться с Ним поближе, потому что после ухода папы мама нашла утешение в вере. Хотя нет. Когда ребёнку под страхом божьей кары запрещают смотреть мультики или заставляют держать пост, это уже фанатизм. Я так думаю.

В общем, я перестала обращаться к Богу, да и в принципе произносить Его имя, так как могла схлопотать и по губам за упоминание всуе. А со временем Он навсегда превратился в волшебника, в которого верят лишь наивные дети.

Только однажды я неосознанно обратилась к Нему. В тот самый день, когда раздался телефонный звонок и равнодушный голос сообщил, что Сонечку сбила машина. Раз за разом я прокручиваю в голове страшный разговор...

– Добрый день. Это квартира Пахоминых?

– Да...

– Вас беспокоит сержант Криворук.

Помню, что сначала даже не успела испугаться.

– Я вас слушаю...

– Извините, кем вам приходится Пахомова Софья Александровна?

– Она моя дочь... – и вот тут страх прошёлся ледяными пальцами вдоль позвоночника и ухватил меня за горло. – Да что случилось?!

– Я должен вам сообщить, что ваша дочь попала под машину...

Этого не может быть, Сонька у Юльки, всего двумя этажами ниже.

– Господи, нет... Что с ней, она сильно пострадала?! – страх удавкой сдавил сердце. – В какой Соня больнице?!

– К сожалению, её не удалось спасти...

Господи, нет, пожалуйста... Сделай так, чтобы они ошиблись.

Бог был глух.

День 34-й. Зеркало

Очередной ненавистный день встретил меня тишиной. Саша давно в офисе – с головой окунулся в работу, так ему легче. Саше всегда удавалось идти вперёд, несмотря ни на что. Моего мужа никогда не останавливали ни болезни, ни проблемы, ни кризисы.

Не остановила и смерть Сонечки. Его мир устоял.

Как вор крадусь по коридору собственной квартиры. Тишина такая оглушающая, что я растворяюсь в ней. Иду дальше, но вдруг в полумраке прихожей замечаю незнакомую женщину и в первое мгновение вздрагиваю от испуга.

Зеркало.

Подхожу вплотную к нему и всматриваюсь в некогда знакомые черты... мягкость в лице исчезла, острые линии выступают вперёд из-за нездоровой худобы. Тоска в глазах. Я будто дышу ею.

Протягиваю руку и легонько касаюсь пальцами своего отражения. Поверхность обжигает холодом, а мои движения слишком медлительные и какие-то механические. Как у безжизненной куклы. Так и есть – жизнь из меня выкачали, оставили только тело, жалкую оболочку.

Отворачиваюсь и бреду в кухню. На столе стоит тарелка с омлетом – Саша приготовил завтрак. Рядом записка с просьбой разогреть и поесть. В это сложное время муж взял на себя буквально все: финансы, продукты, готовку, уборку. В общем, все, чем не так давно с удовольствием занималась я.

Беру вилку и нехотя ковыряюсь в еде. Но не могу впихнуть в себя ни крошки. Бросаю эту затею и возвращаюсь в детскую. Моя жизнь здесь.

День 40-й. Смерть

Земля сонно шуршит по крышке маленького гроба. Так странно. Когда хоронили маму, звук был совершенно другим – надрывным и гулким, будто кто-то торопливо прошёлся костяшками пальцев: *тук... тук-тук...*

Удивительные мысли роятся у меня в голове – я провожаю Сонечку в последний путь и при этом размышляю, какой бывает земля на кладбище.

Может, зависит от самого грунта?..

Если он мелкий и сухой, как сегодня, то и рассыпается тихо-мирно? В тот раз почва была влажной и холодной, и стоило чуть сжать её в ладони, лепилась в комья.

Последний бросок. Прах к праху. Люди начинают потихоньку расходиться.

Замелькали лопаты. Рабочие торопятся поскорее закончить своё чёрное дело. Наверное, им не терпится убраться отсюда. А, может, их ждёт очередной покойник?

Земля уже посыпалась водопадом – оглушительно громко, напоминая биение моего собственного сердца. Гляжу вниз и не верю, что моя девочка там, внизу. Так быть не должно. Родители не должны хоронить своих детей. Это противоречит всем известным законам природы.

– Мама... – сквозь лязг и звон лопат, мне мерещится детский голосок. Он звучит так слабо, словно нас разделяет толстое стекло.

Гроб.

Что это? Галлюцинация? Наваждение? Сумасшествие?

– Соня?... – пытаюсь расслышать хоть что-нибудь, но нескончаемый шум очень мешает. – Простите, вы не могли бы перестать? – обращаюсь к рабочим, но никто меня не слышит.

Хватаю одного из них за рукав, но тот на меня даже не смотрит, продолжая махать лопатой.

– Мама!... – теперь нет никаких сомнений: из-под земли действительно доносится голос Сонечки. – Мамочка, пожалуйста...

– Соня! – кубарем я скатываюсь в могилу, с глухим ударом приземляюсь прямо на гроб, а земля продолжает сыпаться сверху, будто пепел на голову несчастной Есфирь.

– Мне страшно! Выпусти меня, пожалуйста! – крик застревает в обивке гроба.

– Сейчас! Сейчас, девочка моя! – сгребая землю, но рабочие тут же услужливо сыпят ещё и ещё. Царапаю покрытие крышки в поисках защёлки, но её нет. – Кто-нибудь, помогите мне! Моя дочь жива! Жива!

Бесполезно. Только несколько ворон с жутким карканьем поднимаются в небо. Земля, будто живая, засыпает меня с головой, забираясь за шиворот и в рот. Кашляю и отплёвываюсь, работая руками – ещё немного и гроб скроется из виду, и я потеряю Соню навсегда.

– Мама... – доносится из-под земли.

– Соня! Доченька! – ору что есть мочи, и в этот миг огромная груда земли обрушивается сверху, подминая меня под собой. Темнота расползается вокруг, словно чёрная дыра. Несколько раз моргаю, но света нет. Пытаюсь сделать вдох, но тщетно – в глотке сухо и больно.

– Со... ня... – выдавливаю из себя, кое-как выбираясь из лохмотьев сна.

Очередной кошмар.

Дрожащей рукой нащупываю выключатель светильника и с силой давлу на него. Наконец потолок детской превращается в звёздное небо. Сонечка обожала этот ночник с его сказочным свечением.

Рот превратился в пустыню, язык распух, точно я взаправду наглоталась земли. Тянусь к стакану воды, что привычно висится на тумбочке и залпом осушаю его.

Прохладная вода сочится по подбородку, а я учусь заново дышать. Выходит так себе. Из графина наливаю себе ещё воды и хватаю пузырёк с успокоительным, который мне удаётся открыть только с третьей попытки.

Горсть таблеток на ладони мерцает в свете ночника. Не задумываясь, глотаю все и пью, пью, пью...

Встаю с тахты, накидываю на плечи тёплый халат и подхожу к окну. Все равно уже не усну. С некоторых пор мои сны превратились в настоящую пытку. Неизменно в них лишь одно. Смерть.

День 51-й. Вселенная

Достаю из ящика стола папку с Сониным портфолио – она ведь три года отходила в художественную студию. Даже успела занять несколько призовых мест в конкурсах...

Решаю пересмотреть её последние работы или, как она сама их называла, – шедевры. Сквозь слезы улыбаюсь своим мыслям. Нет, на самом деле Сонечка считала свои рисунки самыми обычными и называла их так только в шутку.

Беру первый попавшийся набросок и сердце сдавливает каменной глыбой – мой портрет. Нарисован совсем недавно, в апреле. Тогда выдался по-настоящему тёплый денёк, и мы отправились с Соней на набережную встречать весну... Потом она усадила меня на одну из лавочек и достала карандаш. И понеслось...

– Ма-ам, ну води себя естественно! – подражая настоящим художникам, просит Соня. И я очень естественно (как мне кажется) стараюсь глядеть перед собой. – Нет, не так. Сейчас у тебя лицо такое застывшее, ненастоящее. Улыбнись...

Она показывает мне, как надо, демонстрируя свою милую улыбку. Такой хочется укрыться от ненастного дня.

– Ты же знаешь, я не люблю позировать... – вздыхаю, растягивая губы в самой обворожительной улыбке, на которую только способна. Но, судя по Сониной реакции, получается не очень.

– Так и не надо позировать! – поучительно замечает Соня. – Гляди в даль, мимо меня. Будь собой и вспомни о чем-то хорошем.

И я вспоминаю. Роддом, и улыбающуюся мне Сонечку на руках. Говорят, у новорождённых это лишь рефлекс, только я знаю, что моя девочка улыбнулась мне по-настоящему. Именно в тот момент я поняла, она – моя Вселенная.

Гляжу на себя в Сонином исполнении. Портрет получился превосходным, пусть и не очень похожим, но в нем есть душа и какая-то неповторимая изюминка. Несколько слезинок расплзаются по шероховатой поверхности наброска.

А моей Вселенной больше нет.

День 78-й. Фотографии

Решаю увековечить память о Сонечке. Так что с самого утра сажусь за ноутбук, чтобы отобрать для печати её фотографии. За столько лет их набралось очень много. Собираюсь просмотреть их все, начиная с выписки из роддома. Открываю первую папку и вот она я – стою с букетом, измученная, но счастливая. А рядом Саша неумело держит на руках нашу крошку... Мы такие молодые здесь. И у нас вся жизнь впереди. *Была.*

Размазываю слёзы по лицу и смотрю дальше.

Первое купание... Оказавшись в воде, Сонечка замерла от неожиданности, а Саша успел поймать её удивлённое лицо в кадр. На следующей фотографии наш Пончик сладко спит, намазавшись после бессонной ночи. А вот моя девочка крепко сжимает погремушку маленькими пальчиками.

Так я и листаю страницы собственной памяти...

Раскиданная по всему столу каша, и довольная Сонька. Демонстрация первого зуба. Натянута набекрень огромная шапка, в которой Сонечка почти утонула. Вот маленький поварарёнок сидит на полу кухни и стучит ложкой по кастрюле. А здесь Сонечка ползёт навстречу неизведанному. Потом были первые шаги. Догонялки с мячиком. Побег от кошки.

Столько всего...

К тому времени, как я добираюсь до детского сада, щеки уже начинает щипать от слез, а нос бежит ниагарским водопадом. С каким-то маниакальным упрямством продолжаю мучить себя.

Огромный конструктор под ёлкой и Сонька с изумлённым лицом – мол, это все мне?!

Первый утренник. Сонечка была мишкой. Я так долго искала костюм... Оббегала буквально все магазины! В итоге все равно пришлось по ночам шить наряд самой. Но зато Соня была на празднике самым очаровательным медвежонком!

Чувствую, как в груди цветком распускается боль. Хочется вырвать его с корнем, только ничего не выйдет – он прорастёт снова. Решаю отложить своё занятие до лучших времён, иначе просто сойду с ума.

День 87-й. Сон

Захожу в кухню, чтобы попить воды и... *вижу Сонечку*. Она сидит на своём любимом месте, у буфета, и болтает ногами. На ней её любимый костюмчик – лосинки и футболка солнечного цвета.

– Мам, я кушать хочу... – Жужа в её руках делает сальто.

А я все стою и стою, не в силах поверить своему счастью. Сколько долгих вечеров мы провели с ней на кухне, сколько десертов было нами создано, сколько ужинов приготовлено, сколько игр переиграно, сколько песен спето, сколько книг прочитано... А потом Сони не стало. И вот она здесь, сидит, улыбается мне нежно.

– Соня... – шепчу я, как заклинание, – Сонечка... это и вправду ты?.. – спрашиваю, не веря.

– Ну конечно, я!

Её задорный смех звенит колокольчиком и наполняет меня, пустую, жизнью. Бросаюсь к своей девочке и опускаюсь перед ней на колени. Разглядываю свою принцессу, а потом протягиваю руку. Боюсь, что вот сейчас она испариться или растает, но чувствую пальцами тёплую нежную кожу... Глаза обжигают горячие слезы.

– Доченька моя... – прижимаю Соню к себе, глажу по волосам, вдыхаю аромат волос и плачу, плачу, плачу.

– Мам, ты чего?.. – Сонечка отстраняется и заглядывает мне в лицо, а потом вытирает слезы своими тёплыми ладошками, – Не плачь!

– Не буду, больше не буду, милая! – даю обещание, но рыдаю ещё больше. – Давай, я что-нибудь приготовлю? Ты ведь голодная! – вскакиваю, спохватившись, и кидаюсь к холодильнику. – Что бы ты хотела? – оборачиваюсь и... стульчик оказывается пуст. – Соня! Сонечка, ты где?!

Вылетаю из кухни, в поисках своей девочки. Несусь в детскую, но там её нет. В зале и в спальне – тоже никого. Бегаю по всей квартире, заглядываю в туалет и ванную и даже в кладовку. Пусто.

Проверяю балкон, когда до меня доносится трель телефонного звонка. Подбегаю к аппарату и кричу в трубку:

– Соня?!

– Добрый день. Это квартира Пахомовых?

– Да...

Нет, не может быть... Но я уже знаю, что будет сказано дальше. Нереальное чувство дежавю накрывает меня. Я будто тону в нем.

– Нет... нет... нет! – выпускаю трубку из рук и плачу. – Нет, пожалуйста! Нет... нет...

И тут до меня доносится стук в дверь: словно сквозь толщу воды я слышу глухие удары.

– Катя, открой... Катя! – Сашин голос, такой далёкий и нереальный выдёргивает меня из царства Морфея.

Открываю глаза и несколько раз моргаю. Я в детской, а Саша тарабанит в дверь... Вокруг царит полумрак – ночь в самом разгаре и только уличный фонарь уныло заглядывает в окно.

– Со мной все в порядке, – вру, вытирая тыльной стороной ладони мокрое от слез лицо.

– Ты кричала! – кажется, он не на шутку взволнован и готов выломать дверь, отделяющую нас.

Только по факту отделяет нас совсем не дверь.

– Кошмар приснился...

– Хочешь поговорить?.. – его голос такой ласковый, что мне хочется укутаться в его объятия, и я даже встаю с тахты, но слишком быстро приходит осознание – все бесполезно.

– Нет, спасибо. Ложись спать.

– Катъ. – Неловкая пауза. Мне слышно, как он водит пальцами по двери, собираясь с духом: – Я... я люблю тебя.

Ощущение, что он убеждает в этом не меня, а себя. Что мне ему ответить? Что сказать? Произнести ответное признание язык не поворачивается. Мои чувства кажутся ненастоящими и пресными.

– Спокойной ночи, Саш... – выдавливаю из себя бесполезное пожелание и возвращаюсь к кровати.

– Спокойной...

Наконец, слышу его тихие шаги. Затем скрипит дверь спальни. И я выдыхаю. Подобрал упавшую на пол Жужу, ложусь обратно в постель и закрываю глаза. Наверное, когда-нибудь я привыкну. Говорят, время лечит.

День 92-й. Разговор

– Катя, тебе нужно к врачу!

Мой муж снова застыл на пороге Сониной комнаты, не решаясь войти. Он больше не заходит сюда. Никогда. Мне кажется, если однажды детская станет единственным безопасным местом в мире, Саша и тогда предпочтёт остаться снаружи.

– Да что ты говоришь! И что? Мне вырежут боль, как опухоль? Или сделают прививку от горя? – я плююсь желчью и бессилием, не желая обсуждать эту тему, иначе просто сойду с ума.

– Не передёргивай... Тебе нужен врач. Он, кстати, может назначить таблетки...

– А он сможет вернуть мне дочь?!

Дальнейший разговор бесполезен, и мы оба об этом знаем. Ни один целитель мира не сможет оживить Соню, а остальное не имеет значения.

День 100-й. Выход в свет

Сегодня Саша просто насильно заставляет меня выползти из квартиры. Потому что мне необходимо «дышать воздухом и выходить в люди». Я отказываюсь и отпираюсь, но все без толку:

– Если ты не пойдёшь сама, я тебя закину на плечо и вынесу из квартиры сам! – он закатывает рукава, демонстрируя всю серьёзность своих намерений.

– Ты не имеешь права!

– Имею! Потому что я не намерен больше смотреть, как ты убиваешь себя... Мало мне одного горя?

Ну как он не понимает?.. Двигаться нет сил. Я просто плыву по течению. Ползу.

Ещё раз взглянув на его широкие плечи, понимаю, что угроза вполне реальна, а главное – осуществима. Приходится одеться и даже расчесаться.

Спуск вниз выходит долгим. Шаг. Второй. Третий. Кажется, ноги совершенно отвыкли мне подчиняться. Словно я заново учусь ходить. Нечастые передвижения по квартире – не в счёт.

– Я не могу, Саш... – воздух со свистом покидает лёгкие, протестуя, словно не желает питать меня кислородом.

– Ты можешь! – он держит меня за руку, помогая спускаться. Его ладонь горячая, как печка. Моя – холодная и безжизненная. Как и моя душа.

Победная улыбка освещает лицо мужа, стоит нам добраться до первого этажа. Так же он улыбался, когда наша девочка впервые пошла самостоятельно... *Сонечка*. Глаза наполняются слезами, и я опускаю взгляд. Не хочу расстраивать Сашу. Продолжаю вышагивать, как оловянный солдатик, просто потому что так надо.

Замираю у подъездной двери – слишком трудно сделать последний шаг и окунуться в мир, который почему-то не перевернулся и не сломался оттого, что моя девочка навсегда его покинула. Небо не рухнуло, и люди продолжают жить. Даже мой муж, похоже, начинает смиряться.

Да, этот мир не рухнул. Зато мой разлетелся вдребезги.

Саша мягко подбадривает:

– Все будет хорошо, Катюш! – он неторопливо толкает дверь, а я будто погружаюсь в гомон улицы.

Отовсюду слышны детский смех, визг машин, стук каблучков по асфальту... Как громко... Вываливаюсь из подъезда и прислоняюсь к стене. Судорожно дышу, зажмурившись изо всех сил.

– Солнышко... пойдём, – чувствую его руку на своих плечах. Вот так, словно два поддерживающих друг друга инвалида, мы двигаемся вперёд по сантиметру, только для меня впереди ничего нет. – Вот увидишь, тебе станет легче...

Легче?..

Открываю глаза и послушно следую за ним, пока не слышу детский крик:

– Ма-а-ам!

Сердце застревает между рёбер ржавым гвоздём, а затем и вовсе прекращает биться. Оборачиваюсь и вижу маленькую девочку лет семи в школьной форме и белоснежными бантами в волосах...

Зовут не меня. Я больше не мама. Ноги вдруг отказывают мне, а в глазах поселяется тьма.

День 114-й. Сделка

Больше никто не мучает меня прогулками и уговорами жить дальше. Моя единственная попытка выйти на улицу провалилась с треском.

Теперь я беспрепятственно слоняюсь из угла в гол, а Саша, в те редкие моменты, когда бывает дома, только молча вздыхает.

Я понимаю, он очень переживает за меня, но по-другому просто не могу. Без моей девочки мир как будто потускнел и из яркого и сочного превратился в черно-белую карикатуру. Небо надломилось и пошло трещинами, солнце ослепло и больше не дарит света и тепла. Такова моя реальность.

Единственное, чем я живу сейчас – уголком памяти Сони. Наконец-то мне удаётся закончить отбор фотографий. Снимков оказалось немало, хотя я и выбирала только самые-самые. Остаётся их лишь распечатать, но здесь я неожиданно сталкиваюсь с категорическим отказом. Саша, напоминая гоголевского Вия, которому нельзя переступить невидимую черту, снова мнётся на пороге детской.

– Что значит «нет»? – я даже привстаю с тахты.

– Прости, но я считаю это странным. Тебе надо отвлекаться, а ты хочешь окопаться в воспоминаниях. Столько фотографий... – Саша кивает на тумбочку, где с разинутой пастью застыл ноутбук. – Выйдет целая стена плача. И то, если одной стены хватит. – его тихий вздох звучит как приговор. – Прости...

Снова это бесполезное слово.

– Но для меня это очень важно! – все-таки вскакиваю с кровати, отбрасывая в сторону цветастый плед, прикрывавший мои ноги.

– Это меня и пугает... Катюш, это путь в никуда.

– Вся моя жизнь – путь в никуда! Да пойми ты, так я хоть чем-то занята...

Ещё чуть-чуть и я упаду на колени и начну умолять. Он долго-долго смотрит на меня, прежде чем ответить:

– Хорошо! – я уже готова выдохнуть, когда он продолжает: – Но при одном условии...

– Каком? Имей в виду, на улицу я больше не пойду! – предупреждаю я. – Мне хватило одного раза...

– Все проще, – обещает Саша, – ты встретишься с врачом.

Я ахаю.

– Ты ставишь мне ультиматум?! – такого сценария я не ожидала.

– Именно. Иначе никаких фотографий.

Его колокольчиковые глаза, до боли напоминающие Сонины, темнеют и становятся почти синими.

– Это ведь Соня... *Наша Соня*. – Взываю я к Сашиной совести.

– Знаю... Но по-другому не могу.

– Ненавижу... – в отчаянии толкаю ноутбук, который летит с тумбы на пол, словно ненужный мусор.

– Я готов принять и ненависть. Лишь бы ты согласилась.

Ругая себя последними словами, падаю на колени и подымаю ноутбук. Я не должна была так поступать. Что если бы он сломался, и вся память о Соне пропала бы? Но монитор светится, значит не все так страшно... Ковёр смягчил удар.

– Засунешь меня в машину и насильно потащишь к врачу?

– Зачем тогда мне эта сделка? – искренне удивляется Саша. – Если не хочешь ехать, врач придёт сюда...

Такое впечатление, что он уже все продумал и предусмотрел... Раздумываю минуту, прежде чем дать ответ.

В конце концов, мне даже выходить из дома не придётся...

– Одна встреча. Одна! – прикрываюсь ноутбуком, точно щитом, выставив его перед собой.

Саша щурится – явно остался не доволен. Что ж. Я тоже умею торговаться. И все же он кивает в знак согласия и, наконец, уходит.

Подбираю плед и забираюсь на тахту. В голове ворох мыслей, напоминающих гору грязного белья, которое хочется перебрать для стирки – белое в одну сторону, цветное – в другую. Чёрное оставить напоследок. Только ничего не выходит, обязательно что-нибудь да оказывается не в той куче.

По идее врач и должен помочь мне произвести сортировку... Но кто в здравом уме разрешит незнакомцу копаться в своём грязном белье?..

Знаю, что не усну, но все равно упрямо закрываю глаза и стараюсь ни о чём не думать. Только так ещё хуже – со временем перестаёшь отличать белое от цветного, а чёрное оказывается твоим любимым цветом, потому что именно он теперь преобладает в твоей голове...

День 122-й. Врач

Сию на тахте и усиленно грызу ногти. Близится время прихода врача, и чем ближе сдвигается стрелка часов к трём, тем хуже я себя ощущаю.

Саша ради такого случая даже выходной взял...

Наконец, спустя пять изгрызенных до мяса ногтей, раздаётся звонок в дверь. Мне слышно, как Саша спешит к двери, будто боится, что, если замешкает, за ней никого не окажется. До меня доносятся приглушенные голоса. Усилием воли заставляю себя сложить руки на коленях и покорно ждать.

– Милая, познакомься, это Надежда Николаевна... – Саша пропускает моего доктора в детскую, – а это моя жена, Катя... – я едва заметно киваю в ответ на короткое приветствие, – вам что-нибудь нужно? – он вопросительно глядит на докторшу, и я тоже с интересом разглядываю её.

Сказать, что я представляла специалиста по душам совершенно иначе, это значит ничего не сказать.

Молодая.

Это первое, что приходит в голову.

Слишком молодая. Я воображала себе седовласую старушку с сочувствующим и мудрым взглядом. Но передо мной стоит девушка, которая, кажется, даже младше меня.

Её рыжие волосы элегантно рассыпаны по плечам, коротенькая юбка едва прикрывает стройные ноги, а яркий в цветочек платок на шее так и хочется сорвать, чтобы не мозолил глаза.

Надежда Николаевна тарашится на меня с нескрываемым любопытством. Ещё бы, ведь я представляю собой весьма жалкое зрелище: худая как щепка, с посеревшим лицом и километровыми кругами под глазами.

– Нет, спасибо! – слегка поколебавшись, отказывается та, выдвигая из-за письменного стола кресло.

– Тогда я вас оставлю... – Саша поспешно нас покидает. Будь на то моя воля, я бы последовала его примеру.

Молчание разливается по комнате и пузырится, как шампанское в бокале, и в конечном счёте выдыхается с первой произнесённой фразой докторши:

– Как вы уже знаете, меня зовут Надежда Николаевна, я врач и постараюсь вам помочь.

Помочь? Она что, серьёзно?!

– Начнём с самого простого. Как вы себя чувствуете?

Вопрос звучит, подобно выстрелу – патрон выпущен прямо в цель.

– Скажите, Надежда Николаевна, вы когда-нибудь теряли ребёнка?! – спрашиваю натужно, сцепляя ладони в замок.

– Нет... у меня вообще нет детей. Но это не имеет значения. В универе я проходила, как бороться с депрессией. А диплом писала про пять стадий принятия неизбежного...

Я смотрю на неё, не веря своим ушам. Уму не постижимо. Как такое возможно? Какая-то девочка, получив бумажку, на полном серьёзе верит, что сможет мне помочь? Жалею, что вообще согласилась на Сашину авантюру.

По всей видимости, в нашем городке души врачует кто попало. Мне хочется её ударить, хочется вдолбить в её непутёвую голову, что меня просто нет, я потерялась, заблудилась среди боли и отчаянья, но понимаю – толку не будет, поэтому произношу всего одно слово:

– Уходите.

– Но мы ещё даже не начали... – протестует та озадачено.

– Зато мы уже закончили. Убирайтесь...

И ей больше ничего не остаётся, кроме как уйти.

Спустя несколько минут Саша вырастает на пороге.

– Зачем ты так с ней?

– Она бесполезна! И где ты только её откопал?

– Знакомые посоветовали, дали прекрасные рекомендации...

– Она спросила меня, как я себя чувствую... Как можно быть настолько глупой?!

– Давай, я поищу другого специалиста?

– Да нет в нашем городе нормальных специалистов!

– Тогда поехали в областную?

Я представила поездку в областной центр. Несколько часов на машине, потом больница с её равнодушными стенами и до хруста начищенными полами. И целая орда народу.

Уж я-то знаю, потому что когда-то сама работала там санитаркой. Тихо только в реанимации... там даже персонал почему-то ведёт себя тише, будто боится потревожить пациентов, которые застряли между жизнью и смертью.

А вот онкологическое отделение пропитано обречённостью, даже стены словно на тон темнее... Помню, как врач, разводя руками, сетовал на то, что он, к сожалению, не Господь Бог и не может помочь моей матери.

А я глядела поверх его головы на эти грязно-белые стены. Да, врач не был всемогущим. А вот Бог мог бы помочь, но не посчитал нужным.

– Нет. Хватит. Никто мне не сможет помочь, и ты это знаешь!

Саша долго-долго смотрит мне в глаза, будто выискивая что-то, давно потерянное.

– Я сдаюсь. – Разочаровано произносит он наконец и поднимает руки вверх, капитулируя.
– Пока ты сама не захочешь, это все бесполезно.

– Думай, как знаешь. В любом случае, свою часть сделки я выполнила. Встретилась с врачом. Твоя очередь. Распечатай мне фотографии...

Просьба звучит неуверенно и как-то вяло, но я тешу себя надеждой, что Саша сдержит своё обещание. И мне везёт.

– Я помню... Хорошо. Запиши мне фото на флешку.

– Уже...

Я вскакиваю с тахты и открываю верхний ящик Сониного стола. Среди пёстрых тетрадей и блокнотиков лежит моё сокровище.

Протягиваю флешку Саше, стараясь, чтобы рука при этом не дрожала. Задеваю его пальцы кончиками своих и вдруг понимаю, как давно мы не прикасались друг другу.

Вот что делает с некогда близкими людьми горе – превращает их в пародию на самих себя, выжигает нутро болью. Каких-то там четыре месяца, и десять лет счастливой жизни рассыпались в прах.

– Надеюсь, тебе не станет хуже, – Сашин голос звучит так глухо, будто он говорит в водосточную трубу.

– Спасибо... – все, что я могу – поблагодарить своего мужа.

Соседа.

На сей раз дверь детской хлопает громче обычного, но и это меня не трогает.

День 137-й. пляж

– Мам, а давай на перегонки? – не успеваю и глазом моргнуть, а Соня уже мчится к воде, смешно шлёпая ногами по обжигающему песку, – Ай, горячо-о!

– Сонька, надень сланцы! – кричу я, впрочем, не особо надеясь на её сознательность.

Всю неделю в городе стояла жара за сорок, раскалённый воздух ещё на вдохе начинал плавиться, и без бутылки воды передвигаться днём было просто невозможно. Потому долгожданный выходной мы решили провести на даче у озера – до дачи всего час езды на машине.

И вот Сонечка уже полдня плещется и носится по пляжу, беря от жизни все, стараясь запастись впечатлениями и восхитительной прохладой на всю следующую неделю. Я смотрю ей вслед и меня переполняет счастье – сколько же в ней неуёмной энергии и радости.

Даже когда мой день не задаётся и не клеится, мне достаточно просто глянуть на дочь, чтобы понять – жизнь прекрасна.

– Мам, ну ты где?! – моя девочка нетерпеливо мнётся на берегу, в ожидании.

– Иду, иду!

Я уже собираюсь последовать примеру Сони и двинуться к воде, когда вдруг из ниоткуда на пляж вылетает машина и мчится прямо на Соню.

Пытаюсь закричать, броситься к ней, наперерез металлическому чудовищу, но ноги не слушаются, а вместо предупреждения вырывается едва слышный хрип. Секунда, и Соня исчезает под колёсами смертоносного зверя.

– Не-ет! – хриплю я, но уже наяву.

Это сон... Я в Сониной комнате – лежу поперёк тахты, одеяло валяется где-то на полу. Дышу громко и рвано, словно горло набили снегом, и избавиться от него не выходит.

Пора бы уже привыкнуть. Ни тонны валерьянки, ни пресловутое тёплое молоко, от кошмаров не спасают.

Мне часто снятся сцены из прошлого, как в этот раз – мы и правда ездили на дачу, спасаясь от духоты асфальтовых дорог и бетонных джунглей. Саша жарил шашлыки, мы с Соней строили замки из песка и играли в мяч, а потом все вместе бесились в воде.

Как же Сонечка смеялась, если её брызги-снаряды достигали своей цели, попадая в меня или Сашу!

В этом году съездить на озеро нам уже не суждено. Как и в следующем. И мне с этим жить.

Но это ничто по сравнению с тем, что Сонечки больше нет.

День 142-й. Уголок памяти

Стопка фотографий висится на Сонином столе уже целую неделю. Я так долго ждала возможности взяться за дело, а теперь никак не могу заставить себя начать...

Саша молчит.

Подобное его поведение превратилось в норму, что мне только на руку. В те редкие часы, когда он бывает дома, мы почти не видимся и шарахаемся друг от друга, стоит нам случайно столкнуться в коридоре.

А неделю назад он вежливо постучался в дверь детской и молча протянул мне пухлый конверт. Объяснения были без надобности. Вместо благодарности я лишь кивнула и схватила своё сокровище, которое в итоге целых семь дней сиротливо пролежало на столе, ожидая своего часа.

И вот сегодня день «Х» настал. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Сажусь за стол и дрожащими руками вскрываю конверт. Мир снова покачнулся, стоило мне увидеть один из снимков, на котором двухлетняя Сонечка застыла с зубной щёткой во рту.

Моя девочка...

Слезы наворачиваются на глаза, но я усиленно моргаю – сейчас не время. Начинается сортировка воспоминаний. Раскладываю островками памяти фотографии в хронологическом порядке. Очень скоро в комнате не остаётся свободного места – всюду разложены снимки, даже на кровати.

Фотографий так много, что я решаю для уголка памяти выбрать из каждой стопки по три-четыре. Начинаю со стены, что напротив тахты, и прикрепляю снимки иголочками.

Сонечка, роддом. Сонечка, 1 месяц. Сонечка на природе. Сонечка, первый Новый год. Сонечка, первые шаги. А вот Сонька с Юлькой в детском саду... Одна в роли Жасмин, другая – Русалочка. Одна успела отскочить от машины, а другая нет, одна жива, а другая...

День 163-й. Первый снег

Открываю глаза и щурюсь от утреннего света. Новый день.

Опять.

А я так надеялась, что сегодня мир канет в тартарары. Провалится в Лету. То есть, все наоборот, но какая разница?

Подхожу к окну и рассматриваю застывший по ту сторону пейзаж. Унылый и серый. Измазанные в саже гигантские куски ваты плывут по небу. Оказывается, ночью выпал первый снег, который уже почти стаял, и лишь в самых укромных уголках он ещё лежит невзрачным архипелагом, будто его разбросал случайный прохожий.

Тарашусь в окно, раздумывая – какое сегодня число? Пытаюсь вспомнить, но не могу. Время для меня превратилось в полинялый растянутый свитер, который я решила распустить, и вот тяну за нитку, тяну, а ей все нет конца.

А там, за стеклом, жизнь идёт своим чередом. Вон женщина с сумкой через плечо – мчится на автобусную остановку. Наверное, спешит на работу. Школьники торопятся на занятия. *Сонечка...* Думаю о том, что одноклассницы дочери уже вовсю изучают новые темы, носятся на переменах, секретничают, и мастERYт пожеланники и открытки к Новому году.

Больно.

День 190-й. Предложение

Саша настаивает, что нам нужно жить дальше. *Мне* нужно. Мол, нельзя себя так истязать. Но очередная его попытка привести меня в чувство пошла прахом:

– Ты жива, хоть и напоминаешь призрак, потому что почти ничего не ешь и практически не спишь...

Он прав. Я не ем. Не сплю. Не... живу.

– Сидишь целыми днями в детской и даже не пытаешься... – он мысленно подбирает подходящее слово, но так его и не найдя, только устало машет рукой.

– ...Жить?.. – услужливо подсказываю я, обнимая колени и кутаясь в любимый Сонин плед.

– Не пытаешься... взять себя в руки! – наконец, находится муж. – Хоронишь себя... *здесь*.

Он пренебрежительно обводит взглядом комнату, которую перед появлением Сони мы обставляли вместе: выбирали детские обои, шторы, долго и до хрипоты обсуждали идеальный цвет мебели... А этим летом собирались сделать ремонт и сменить пузатых Винни Пухов и розовых Пятачков на лесных фей. Как же все переменилось.

Похоже, теперь детская вызывает у него лишь приступ дурноты, отчего моя собственная боль ещё больше начинает горчить. Наверное, Саше так легче. Он ходит новым маршрутом, в обход Сониной школы, не произносит её имени и убирает её вещи в дальний угол. С глаз долой, из сердца вон. Так, кажется, говорят?..

– Ну извини, что не могу радоваться светлому небу над головой! – срываюсь на крик, позволяя себе хоть какие-то эмоции, впервые за много дней, но мой голос сразу гаснет, как огонь на ветру, переходя на едва слышный шёпот: – Когда Сонечка... наша Сонечка... *моя Сонечка*...

– Так давай заведём ребёнка... – вздрагиваю, словно меня ударили или окатили ледяной водой. Поднимаю заплаканные глаза на Сашу, чтобы понять, не ослышались ли я. – Прости...

Он растерянно ерошит волосы, запустив в них пятерню, и смотрит на меня виновато, а мне вспоминается, как Сонечка упрашивала нас подарить ей братика или сестрёнку... Только Саша считал, что нужно сначала встать на ноги.

И вот теперь, когда я со всего маху рухнула на колени и не могу подняться, он наконец решился. Но какой ценой...

– Ты с ума сошёл!

Не сразу до меня доходит, что я отчаянно кусаю губы, пока не ощущаю мерзкий вкус металла во рту. Ну как он не понимает...

Разве можно заменить одного ребёнка другим?!

Можно поменять разбитую чашку на новую, сходяв в ближайший супермаркет. Но ведь это человек. Наша дочь. *Моя*.

Увы, Саша, похоже, смирился и готов жить дальше, как будто ничего не случилось. Прелесть тем самым память о Соне, словно её никогда не было... Я не могу так.

Поэтому сухо благодарю его за заботу, и отворачиваюсь к стене, не желая видеть, как мой муж отказывается от прошлого. Будто взялся читать новую книгу, не дочитав прежнюю. И не так уж важно, что прежнюю у него безжалостно отобрали...

– Прости... – повторяет он тихо. – Я лучше пойду, – секунда, и дверь детской закрывается, чему я несказанно рада.

День 221-й. Новый год

31 декабря врывается в мою жизнь сорванным календарным листком и несбывшимися планами. Ещё весной, посоветовавшись на семейном совете, мы решили, что следующий Новый год непременно отметим где-нибудь на тёплом пляже. Даже стали откладывать деньги, а в итоге вместо моря оказались на кладбище... А сегодня, впервые, за 11 лет нашего брака, Саша с самого утра сбежал на работу, а я только рада – смотреть друг другу в глаза просто невыносимо.

Вечер воровато вползает в квартиру, разбрасывая мрачные тени по углам. Особенно тёмным кажется тот, где обычно высилась огромная ёлка, которую мы наряжали все вместе. Чтобы не было совсем тошно, включаю телевизор.

– *Всё-таки жизнь удивительная штука... полна неожиданностей...* – вещает пьяный Ипполит с экрана.

«Ирония судьбы» на протяжении многих лет остаётся неизменным атрибутом новогодне-го телеэфира. Люди рождаются и умирают, а герои Яковлева и Мягкова всё так же сражаются за Брыльскую. Почему-то симпатии большинства обычно на стороне Лукашина, я же всегда сочувствовала несчастному жениху.

– *Разве может быть запрограммированное, ожидаемое, запланированное счастье?..* – продолжает философствовать Яковлев.

Подхожу к окну и разглядываю город, принарядившийся к празднику, как кисейная барышня – кругом сверкающие огоньки и яркие декорации. Только вместо привычного деда Мороза и Снегурки повсюду Санта-Клаусы да олени упряжки... Издержки нового времени. Свои герои давно надоели, и народ наслаждается заморскими.

Деревья накинули снежные шубы, совсем как в сказке... В детстве я обожала Новый год. Даже когда отец нас бросил, я продолжала верить в новогоднее чудо, ждала, что папа постучится в дверь и подарит мне свои тёплые объятия. Постепенно вера превращалась в надежду, а та в свою очередь в мечту... Но мечтать, как говорится, не вредно, и мама топтала мои мечты с завидной регулярностью, стараясь уколоть побольнее:

– И чего ты торчишь у окна? Думаешь, нужна ему? Как же, держи карман шире! А я предупреждала тебя – молись усерднее!

Чтобы не злить мать, я покорно шла в комнату, но вместо молитв строчила деду Морозу очередное письмо, с просьбой вернуть папу домой.

Но став старше, перестала верить и Господу, и черту, и в новогодние чудеса. Суровая реальность научила меня не просить милостыни у судьбы и эфемерных существ, а жить с высоко поднятой головой, даже если дома её приходилось склонять перед иконами и крестами... Новый год же я вычеркнула из календаря своей жизни, пока в ней не появился Саша...

С ним мы познакомились совершенно случайно. Я как раз закончила школу и устроилась санитаркой в больницу, чтобы накопить себе на учёбу. Саша пришёл навестить товарища, который отдыхал у нас в травматологии, заработав по собственной глупости перелом бедра в нескольких местах. Кажется, он на спор влез на дерево, но не удержался...

Помню, как Саша, встретив меня в коридоре с судном в руках, вдруг на секунду замер, а потом спросил, где находится нужная ему палата. После моих объяснений он робко улыбнулся и признался, что ничего не понял. И попросил проводить. И только много позже сознался, что намеренно выставил себя дураком, лишь бы я не ушла.

Как-то сразу Саша стал проявлять ко мне знаки внимания. Я же, нелюдимая и недоверчивая, его всячески игнорировала. Иногда мы могли попить вместе чай в больничной столовой или прогуляться по парку, но не более того. Лишённая любви отца, я особенно не доверяла мужчинам, подспудно ожидая от них предательства.

Но когда весной у мамы обнаружили рак... именно Саша оказался рядом, поддерживал и дарил утешение. Мама же даже перед лицом смерти продолжала грезить о небесах и верить, что за все свои страдания она заслужила почётное место в раю.

А однажды холодной октябрьской ночью мамы не стало... Саша взял на себя связанные с похоронами хлопоты. На кладбище мы стояли плечом к плечу. Кто бы знал, что всё повторится спустя тринадцать лет, только хоронить нам уже придётся собственную дочь? Как бы там ни было, но Саша своей заботой сумел пробиться сквозь панцирь, в который я добровольно заточила своё сердце.

Мы проводили много времени вместе: гуляли и очень много разговаривали. Оказалось, у нас много общего. У обоих не было отцов, только Сашин исчез ещё до его рождения, а мама умерла при родах.

Первый Новый год без мамы я собиралась просидеть дома, но Саша оказался непреклонен:

– Давай просто погуляем? Как будто сегодня самый обычный день...

– Ну зачем тебе тратить на меня время? – недоумевала я. – Сегодня ведь праздник...

– Затем, что мне не важно, где и как я проведу этот день, но важно *с кем*... К тому же, есть примета, – он хитро сощурился.

– Какая такая примета? – удивилась я.

– Ну как же... Как встретишь Новый год, так его и проведёшь...

И я сдалась, согласившись на прогулку по парку. Зима тогда выдалась на удивление ленивой и вялой, и даже снега с собой не принесла, но в последний день года неожиданно случился настоящий буран, казалось, что погода торопится наверстать упущенное: в сугробы укутались дома и улицы, а огромные пушистые снежинки перьями сыпались с небес.

– С первым снегом! – поздравил меня Саша, ваяя огромный снежок и задорно улыбаясь.

– Эй, не вздум... – договорить я не успела – белое пятно уже расплзлось по куртке.

Пока я соображала, что к чему, левую щёку обожгло холодом...

– Ну, всё, ты меня разозлил! – зачерпнув полные ладони снега, я бросилась вперёд с победным кличем. Счёт сравнялся.

Спустя полчаса замёрзшие и уставшие, мы объявили перемирие – пальцы уже просто не были в состоянии двигаться. Саша бережно взял мои руки в свои и прошептал:

– Ты совсем заledenела... – улыбка его была такой тёплой, будто посреди зимы пробудилась весна.

– Я...

– Ты такая красивая... – выдохнул мне в ладони Саша, согревая мои пальцы своим дыханием, а затем посмотрел на меня так, словно я чудо или подарок. Никто и никогда на меня так не смотрел... *Разве что папа*. – И такая настоящая...

Что принято отвечать на подобное? Я не знала...

– Хм... – пожалуй, это всё, что мне удалось тогда из себя выдавить.

Мгновение, и Саша вновь стал серьёзным, а мои руки оказались свободными. Весна растворилась в морозном воздухе.

Не сговариваясь, мы направились к выходу из парка, а затем – в сторону моего дома. Я уже в красках представляла, как в обнимку с одиночеством вернусь в свою однушку. Где-то в области сердца предательски зашевелилось разочарование: уединённость, к которой я так стремилась, вдруг утратила свою былую привлекательность. Дом встретил нас жёлтыми огнями, и только моё окошко выглядело мрачно, отчего настроение ещё больше испортилось.

– Спасибо за вечер... – нерешительно переминаясь с ноги на ногу, прошептала я.

– Ты замечала, если смотреть в небо на падающие снежинки, они кажутся серыми? – спросил Саша, задрав голову вверх.

Я вслед за ним поглядела в серебристо-лиловое небо, какое бывает, если идёт снег, и с удивлением отметила, что он прав – снежный пух казался почти черным. В памяти сразу всплыли строчки из старого стихотворения:

...А сквозь метель идёт человек.

И снег ему кажется чёрным...

– Надо же. Никогда не замечала...

– Потому что по умолчанию снег для всех белый.

– А весной? – не согласилась я.

– К весне он состарится... а сейчас мы наблюдаем его рождение. – Саша снова посмотрел в небо. – Тебе действительно пора?..

– А что?

– Мы ещё не все пальцы отморозили!

Горько улыбнувшись, я попыталась его вразумить, заявив, что не стоит тратить на меня время.

– Время – ерунда! Я хочу потратить на тебя *всю жизнь*... – улыбаясь, объяснил Саша. И его улыбка растопила моё сердце. Именно в тот миг я окончательно поняла – если и смогу кому-то довериться, то только Саше...

Через год Саша переехал ко мне. Он уже писал дипломку и параллельно работал, я тоже подрабатывала санитаркой в больнице. Мой мир обрёл равновесие, а потом я забеременела... Женаты мы не были, тему детей никогда не поднимали, так что, к стыду своему, я испугалась. Но Саша развеял все мои страхи предложением о свадьбе. В сентябре мы поженились, а в апреле родилась Соня... Понеслась череда бессонных ночей – Саша нянчился с Сонькой, пока уже я писала диплом, потому что выражение «спит как младенец» в нашей семье означало отсутствие у Сони этого самого сна вовсе.

После того, как я получила заветный диплом, Саша предложил вернуться в его родной городок – его друг как раз открыл строительную фирму и позвал Сашу работать к себе. Я была готова бежать за мужем хоть на край света, так что мы продали мою квартиру и уехали из областного центра. И с головой окунулись в новую жизнь, наполненную счастьем, от которого щипало в глазах и дышать было больно.

Пока я сидела дома в декрете, успела окончить курсы бухгалтеров, а когда Сонька отправилась в сад, устроилась кассиром в небольшую фирму. Спустя два года наша контора разрослась, а меня повысили до бухгалтера.

Новый год снова превратился в праздник, каким он был до ухода отца... Саша всегда выдумывал что-то незамысловатое, но такое душевное, чем неизменно меня покорял. Коллеги на работе хвастались машинами, шубами и драгоценностями, что вручали им мужья, но при этом часто жаловались на отсутствие внимания, а Саша окружал меня любовью и дарил простые человеческие радости. С утра мы первым делом отправлялись на прогулку – игра в снежки превратилась в семейную традицию. Праздничный ужин всегда готовили вместе, дурачились, хохотали и веселились.

Когда Сонька подросла, Саша купил костюм деда Мороза и официально провозгласил себя правителем Великого Устюга. Он был прекрасным отцом, другом и мужем, мы делились всем: радостями, печалью, проблемами, невзгодами. Конечно, ссорились, как и многие, но всегда шли на диалог. А теперь ходим на угрюмых соседей, совсем чужих и равнодушных. Так легче.

Бреду в Сонину комнату, чтобы зарыться в плед и в свои воспоминания. Вдогонку мне, словно в насмешку, раздаётся счастливый голос Жени Лукашина, обретшего свою настоящую любовь.

День 256-й. Сладкий кошмар

– Мам...

Поднимаю голову и сонно гляжу на Сонечку, застывшую в дверном проёме. Утро только-только вползло в комнату.

– Что случилось?.. – сажусь в кровати и протираю глаза, прогоняя остатки сна.

– Мне страшный сон приснился. Можно, я посплю с тобой?

– Конечно! – я откидываю край одеяла, отодвигаясь на Сашину половину – он уже уехал в офис. – Ложись!

– Спасибо! ... – Сонечка, с разбегу прыгает на нашу кровать и прижимается ко мне.

– Что тебе приснилось, Пончик? – спрашиваю, обнимая её в ответ.

– Чудовище... – вздыхает она. – Оно проглотило меня.

– Это все потому что вы с Юлькой вчера смотрели фильм ужасов. – строго говорю я.

– Я больше не буду... – обещает она. – А мы поедем сегодня на озеро? – сонно спрашивает Соня, кутаясь в Сашино одеяло.

– Конечно, как только папа вернётся с работы, – мои пальцы нежно проходятся по её растрёпанным волосам, – а теперь спи...

Ещё не совсем проснувшись, размышляю, что бы такое приготовить Соньке на завтрак. Пожарить яичницу или сварить пшённую кашу, которую она так любит?

Потягиваюсь и открываю глаза. Почему-то я в детской. Может, это я пришла к ней в комнату, чтобы успокоить? Взгляд натывается на развешенные повсюду фотографии Сони... и я вспоминаю.

Это был только сон. Очередной сон, который язык не повернётся назвать кошмаром. Такие сны оставляют после себя горько-сладкое послевкусие. Вот я ещё во власти сладкой дрёмы, счастливая, а спустя мгновение приходит осознание – её больше нет.

И ты снова на лопатках корчишься от боли. Но вместе с тем бережно убираешь этот сон в копилку воспоминаний, ведь в нём Соня жива и здорова.

День 286-й. Памятник

Неуверенно застываю у двери своей бывшей спальни. *Нашей* спальни. Чувствую, как руки становятся влажными, а мысли рассыпаются, словно монеты, брошенные в ноги бедняку – стихийно и со звоном. Ругаю себя за то, что так раскисла. В конце концов, я всего лишь хочу поговорить с мужем.

Легонько стучусь и с замиранием сердца жду ответа. Слышу шелест газетных страниц и скрип кровати, а затем отрывистое:

– Да.

– Ты не занят? – легонько толкаю дверь и заглядываю в комнату. Люстра не горит, зато включён резной торшер с витиеватым рисунком – мы купили его на нашу первую годовщину свадьбы...

– Нет, проходи. – Саша, облачённый в любимую фланелевую пижаму, сидит на кровати, а недочитанная газета покоится рядом. – Что-то случилось? Тебе плохо?

Муж смотрит на меня с беспокойством, а я испытываю жгучий стыд... Неужели он думает, что я могу прийти только если мне нужна его помощь? Хотя... так и есть, правда с моим здоровьем это никак не связано.

– Нет-нет, я в порядке. Я только хотела спросить...

Не успеваю закончить, как Саша отодвигается влево, освобождая место рядом с собой, и хлопает ладонью по одеялу, приглашая сесть рядом. Но я сдвигаю газету к нему, словно проводя черту между нами, а сама сажусь по другую сторону. Так безопаснее.

Почти целый год я живу в детской, а здесь бывала от силы раза три и то, пока Саши не было дома. Украдкой осматриваю комнату, где мы провели столько счастливых дней и... ночей. От таких мыслей щеки опалает жаром, и я спешу отвернуться.

Взгляд падает на окно с глухо задёрнутыми кремовыми шторами. В мягком свечении торшера спальня выглядит слишком интимно. Тьма, сливаясь с тёплым светом, рисует на них причудливые узоры из теней. С опозданием думаю, что надо было отложить разговор на утро. И перенести на кухню.

– Ты точно в порядке?..

Саша смотрит на меня испытующе, а его рука тянется к моей. Вскикиваю как ошпаренная и замираю по среди комнаты.

– Да.

Под его мягким взглядом ёжусь и обнимаю себя за плечи – хоть какая-то иллюзия защиты.

– Катя... – Он тоже встаёт с кровати.

Шаг ко мне. Два от него...

Пячусь назад, но упираюсь спиной в шкаф. Бежать некуда. Руки повисают безвольно вдоль тела, лишь бы увеличить расстояние между нами. И все же Саша слишком близко. Секунда, и моей щеки касается тепло его пальцев.

– Не надо... – прошу я, и он отступает.

– Почему ты отталкиваешь меня? – в глазах блестит боль.

Что сказать? Как объяснить? Найдутся ли нужные слова? И я вдруг понимаю, что достаточно одного-единственного.

– Сонечка...

Его тихий вздох походит на шелест листвы по утру. Я опускаю глаза, не желая встречаться с ним взглядом. После смерти Сонечки наша любовь расплзалась по швам, рисуя паутину трещин. И латку не поставишь и ничем не склеишь.

– Так что ты хотела? – он возвращается к кровати, садится и устало массирует виски.

– Скоро будет год...

– Я помню... – глаза его подозрительно блестят в полумраке.

Отворачиваюсь, блуждая взглядом по комнате, и вдруг замечаю, что с тумбочки исчезли все Сонины фотографии. Дышать становится больно.

– Усадки почвы уже быть не должно. Давай поставим памятник? Можно заказать ангелочка...

– Тебе мало стены плача?

– Это другое...

– Я так не думаю.

– Почему ты такой жестокий?!

– Потому что мёртвым – мёртвое, а живым – живое.

– Это просто дань памяти! – возражаю я.

– Нет, не просто. Тебя же больше ничего не интересует!

– А чего ты хочешь? Чтобы я веселилась и наслаждалась жизнью?!

– Я хочу, чтобы ты начала жить.

– Иди к чёрту! – не выдерживаю я.

Он долго-долго смотрит на меня. Прикидывает. Взвешивает.

– Хочешь памятник – выходи на работу!

– А... так тебе денег жалко?

– Нет, мне жаль тебя, Катя. – Просто говорит Саша. – А теперь извини, мне некогда...
– он демонстративно берётся за газету.

Мечтаю вырвать её из его рук и разорвать в клочья, потребовать продолжения разговора, но понимаю – это бесполезно. У моего мужа ангельское терпение и мягкий нрав, но, если он что-то решил, его не переупрямить. Я ухожу ни с чем, громко хлопнув дверью.

День 318-й. День рождения Сони

Апрель неспешно вошёл в мою жизнь, хлюпая носом. И снова я у окна, наблюдаю за тем, как водяные змейки снуют по стеклу туда-сюда, а несчастные прохожие месят снежную кашу, маневрируя между машинами. Но мне их совсем не жаль.

Сегодня одиннадцатый день рождения Сонечки. *Не состоявшийся.*

Свернувшаяся клубком боль сегодня особенно лютует, царапается и шипит, сводя меня с ума. Брожу из угла в угол, не зная, чем занять свою память, что так услужливо подсовывает картинки из будущего, которое уже никогда не наступит: задорный детский смех, цветные колпачки, гости, подарки...

Словно наяву вижу Сонечку в любимом жёлтом сарафанчике, рот измазан шоколадным тортом, а прозорливые пальчики развязывают огромный бант на коробке.

– *Ролики?! Мам, пап, я вас обожаю...*

Шум из прихожей возвращает меня на грешную землю. Все это осталось где-то за кадром. Или даже не так. Плёнку нашей счастливой жизни безжалостно оборвали, и здесь теперь безнадежно властвуют уныние и скорбь. Если бы только небо сжалилось над нами... но небеса не знают жалости.

– Катя? – Саша приоткрывает дверь и заглядывает в детскую. – Не хочешь выйти? Сегодня ведь день рождения Соньки... – его слова срываются, как брошенная спичка в бочку пороха – взрыва уже не избежать.

– Я прекрасно знаю, какой сегодня день! – мой голос дрожит, будто покосившееся здание во время землетрясения.

– Прости... я только хотел провести этот день вместе с тобой... – я вижу его замешательство, но мне все равно, – вспомнить Соню.

– Я ни на секунду не забываю о ней, ясно?! – и теперь я кричу так, словно земля уже разверзлась. – Уходи!

– Ладно! – на сей раз он хлопает дверью так, что стекла в книжном шкафудребезжат.

День 366-й. Кладбище

На кладбище тихо и так... *живо*. Это ведь здесь дом мёртвых. Однако среди могил и памятников я чувствую себя спокойнее, чем где бы то ни было на земле. Наверное, потому что сама застряла где-то между двумя мирами – ни жива, ни мертва. Тело функционирует, а вот душа...

В поисках Сониной могилы брожу по лабиринту узеньких дорожек, что прячутся между бесконечными оградками. Сторож объяснил, как добраться до новой части кладбища, только я все равно плутаю, будто в чужом незнакомом городе. Стараюсь не смотреть на надгробия, но глаза сами выхватывают таблички с именами.

Петров Василий Иванович, 13.10.1913–11.11.1962.

С выцветшей и пожелтевшей фотографии на меня добрыми глазами смотрит седой мужчина с тёплой улыбкой. Какую жизнь прожил этот человек? Отчего умер? Остался ли в чьё-то памяти? Могилка заброшена, значит вряд ли его навещают... Да и полвека прошло, может, никого из родных и не осталось.

Иду дальше, разглядывая могилы, ставшие последним приютом для множества усопших. Старики, мужчины и женщины, подростки и дети. Где-то похоронены целые семьи – будто переехали на новую квартиру... Они смотрят на меня с гранитных плит, провожают взглядом.

Наконец, добираюсь до нового «микрорайона». Здесь по большей части только деревянные кресты, памятники установить ещё не успели. Сердце болезненно саднит, ведь у моей девочки его тоже нет...

По дороге на кладбище я ещё раз попыталась поговорить с Сашей на эту тему, но все без толку. Он согласен на самый обычный и ничем не примечательный памятник, каких тысячи, я же хочу для Сонечки самого лучшего... Кончилось все ссорой. Саша высадил меня у ворот и отказался проведать Соню. Сказал, что хочет вспоминать её живую, и остался ждать в машине.

Небольшая могилка вырастает передо мной неожиданно. Добротный блестящий крест, словно одинокий солдат охраняет покой моей девочки. Хотя мне до сих пор не верится, что Сонечка там, под землёй... Вытирая слезы, кладу в изголовье огромный букет ромашек – её любимые цветы.

Говорят, что время лечит любые раны, даже смертельные.

Неправда.

На самом деле лекарь из него так себе – иглы тупые, и каждый новый стежок причиняет нестерпимую боль. Душу не заштопать и не залатать, как ни старайся. Пора бы уже смириться, что легче не станет. Ни через год, ни спустя вечность.

В мире, где у тебя отняли самое дорогое, остаётся лишь впустую жечь отпущенное тебе время. Что я и делаю.

Виртуозно. С размахом.

Жгу его нещадно, будто керосин... в надежде, что скоро оно выдохнется, как газировка, и отпустит меня к Сонечке.

Но время по своей сути беспощадно и не идёт на уступки. Так что я просто жгу его в отместку, ожидая, когда же оно состарит меня и отдаст, наконец, в руки смерти. Тогда я лягу в землю рядом с Сонечкой, а моя душа, быть может, отыщет её где-то там, в идеальном мире, где не будет больше смерти.

Потому что все и так уже умерли.

День 366-й. Квартира

Поездка на кладбище далась мне очень непросто. Душа, и так тлевшая в угольках боли, как будто вновь угодила в полыхающее пламя.

Достаю пузырёк валерианы и высыпаю горсть себе на ладонь. Таблетки блестят золотом, и я одним махом проглатываю их все.

Жаль, нельзя принять чего покрепче, чтобы забыться хоть ненадолго. Но сильные лекарства отпускаются по рецепту, а к врачу я больше ни ногой...

Саша сегодня остался дома. Наверное, боится, как бы я с собой чего не сотворила. Хотя я могу и ошибаться. Годовщину и правила приличия никто не отменял, поэтому в одном из городских кафе снова будут делить борщ и лапшу... Но только без меня. Не желаю сидеть за одним столом с людьми, для которых Сонечка осталась в прошлом и только приглашение на поминки напомнило им о ней.

Вздыхнув, ложусь на тахту и зарываюсь в воспоминания, для меня Сонечка продолжает жить в моей памяти. И я не желаю ничего менять.

День 404-й. Нам нужно поговорить...

– Кать, нам нужно кое-что обсудить...

– Что? – искренне удивляюсь я, протирая Сонин стол от пыли. Каждую неделю я навожу порядок в детской. Так я убеждаю себя, что Соня просто куда-то уехала и скоро вернётся. – Так о чем ты хотел поговорить? – стыдно признаться, но мне абсолютно нечего сказать собственному мужу.

– О нас...

Нас... Мысленно пробую на вкус это забытое слово. Оно мне кажется таким чужим, что язык застревает между зубами – нас давно нет. С уходом Сонечки наша семья распалась. *Нас* размазало трагедией. Остались только безликие *он* и *она*.

– Хорошо, – продолжаю с остервенением орудовать тряпкой, не отвлекаясь ни на секунду от своей миссии – пыли очень много.

Так уж выходит, что в комнате, где вещи и предметы не живут своей жизнью, не переставляются и не переключаются с места на место, пыль становится полноправным хозяином – она везде и всюду...

– Ты можешь это прекратить? – Саша кивает на стол, явно нервничая, так что я послушно откладываю тряпку в сторону и одёргиваю задрвшуюся вверх футболку, затем гляжу на мужа в ожидании. – Спасибо... Просто мне нелегко начать этот разговор. – Он снова ерошит свои светлые волосы – жест, знакомый мне ещё со времён нашего студенчества.

– Ты хочешь уйти от меня?

– С чего ты это взяла?.. – он вскидывает на меня удивлённый взгляд, а я отмечаю, что разубедить меня не пытается.

Значит, я права. Замираю в ожидании боли, но ничего не чувствую.

– Просто знаю.

Ну не объяснять же ему, что я ожидала этого разговора последние полгода. Он и так продержался дольше, чем я думала. Забавная штука жизнь. Раньше слово *развод* пугало меня до колик в животе, теперь оно не вызывает ничего, кроме покоя и желания остаться одной, свернувшись калачиком на Сониной тахте.

– Нет. Все не так. Я хочу просто пожить какое-то время отдельно.

Кажется, во всех любовных историях с этого частенько и начинается. Мол, я не уйду от тебя, мне просто нужно время. Опять это время... Что ж, у меня его хоть отбавляй – можно грести лопатами.

– Я жутко устал, Кать. Ты целыми днями сидишь в детской, растворившись в своём горе, меня и близко не подпускаешь. – Он пытается разгладить морщинистый лоб указательным пальцем. Безрезультатно. – Но я ведь тоже любил Соню...

– Так любил, что теперь делаешь вид, будто её никогда не было? – замечаю с горечью.

– Значит в твоих глазах я выгляжу бездушным отцом, потому что не запираюсь в детской?..

– Нет. Но ты вычеркнул Соню из нашей жизни...

– Черт возьми, не я, а *смерть* вычеркнула нашу дочь из жизни! Но мы-то с тобой живы...

– Ты – да...

– Возможно, это мой самый страшный грех, но я действительно стараюсь жить дальше, несмотря на нашу трагедию. И больше всего на свете мечтаю, чтобы и ты попыталась... – он впервые за последний год перешагивает порог Сониной комнаты, подходит ко мне и, схватив за плечи, несколько раз сильно встряхивает. – Вернись ко мне, прошу... Вернись!

– Не могу... – сама удивляюсь тому, как легко слетело с губ признание. – Меня просто нет.

– Понимаю... Она была такой доброй и весёлой, такой... яркой, – он вдруг отпускает меня и делает шаг назад, но я замечаю, как несколько слезинок скатываются по его щеке, прежде чем он их смахивает.

На миг становится легче: ему не все равно.

– Она была замечательной... самой лучшей. И я просто не могу смеяться, путешествовать, заниматься любовью, не могу жить.

– Наверное это глупо, но я всё думаю... если я не могу своей заботой вернуть тебя к жизни, быть может мой уход заставит? – он снова ерошит свои светлые волосы и смотрит на меня с тоской.

– Может быть, – произношу я, чтобы его успокоить. И улыбаюсь натужно. Мышцы сводит судорогой с непривычки – слишком давно я не проделывала таких простых манипуляций... – Думаю, так и правда будет лучше... Хватит нам мучить друг друга.

– Мне так жаль, так жаль... Господи, если бы только... – он закрывает лицо руками и судорожно, с надрывом, дышит. Хочу подойти, прикоснуться к нему и сказать, что все будет хорошо. Только это вранье – хорошо уже не будет никогда. По крайней мере, у меня точно. – Прости меня, Катюш! – мой без пяти минут бывший муж отнимает ладони от лица и смотрит с мольбой.

– Никто из нас не виноват. – Набившая оскомину фраза звучит натянуто и дежурно. Что ж. Дежурство банальностей и бесполезных слов почти закончилось. – Надо выставить квартиру на продажу...

– Не нужно. Мы ведь не расходимся, Кать... У нас ещё всё может наладиться.

– Ладно...

Киваю в ответ, делая вид, что верю ему. Верю в нас. Хотя знаю, что ничего уже не наладится, это конец. Наши отношения разрушены, остался только непрочный каркас и тот скоро рухнет.

– Пойду собирать вещи...

Опустив голову вниз, словно провинившийся подросток, Саша выходит из детской и скрывается в спальне. Мне бы переживать, что я остаюсь совсем одна, но я думаю совсем о другом: теперь никто не будет мне мешать оплакивать Сонечку.

День 407-й. Одиночество

Саша ушёл. Ему хватило нескольких дней, чтобы собрать все необходимые вещи и уйти в ночь. Совсем как отец когда-то. Только в тот раз было больно. А ещё до слез жалко себя.

Теперь всё по-другому... Моё сердце, покрывшееся толстым слоем ржавчины, равнодушно выстукивало привычный ритм. Пульс не участился и не замедлился, кровь не остановилась в жилах, превратившись в кашу. Я стояла и смотрела, как мужчина всей моей жизни навсегда покидает наш дом.

Дззззынь.

Это звонко щёлкнул замок, ключ от которого остался одиноко лежать на маленьком столике у двери... Вот и всё. Когда-то *мы* были семьёй. Потом остались только *я* и *он*, теперь здесь лишь *я*. Ошмётки меня.

Но это ничего. Так будет и правда лучше. Ни к чему разлагаться нам обоим. Саша вполне может ещё стать счастливым.

Единственное, что меня волнует – это выход в жизнь. Пока холодильник полон, но однажды мне придётся выйти из дома и столкнуться с миром, из которого я добровольно себя вычеркнула. Но это произойдёт позже.

День 422-й. Телефонный звонок

Телефонный звонок разрывает такую уютную для меня тишину. Раздражающая трель разносится по всей квартире. Хочется заткнуть уши, но я понимаю, что это не поможет.

Заставляю себя встать с тахты и выйти в коридор к аппарату, чтобы выдернуть провода с корнем, но не успеваю – включается автоответчик:

– Кать, возьми трубку... – Сашин голос такой тихий и ласковый, словно он обращается к непослушному ребёнку. – Если ты не ответишь, я приеду...

Хватаю трубку в панике – не желаю никого видеть и больше всего своего мужа.

Будущего бывшего мужа.

– Алло... – голос сипит, словно простуженный, но оно и понятно, ведь разговаривать мне теперь совсем не с кем. – Алло... – теряя терпение, повторяю я.

– Привет... – слышу наконец-то.

– Саш, что тебе нужно?

– Я только хотел узнать...

– Как у меня дела? – догадываюсь я. – Спасибо, жива-здорова.

Бессовестно вру.

– Тебе... что-нибудь нужно?

Чтобы ты оставил меня в покое.

– Нет, все хорошо.

– Ты ешь?

– Конечно! Как раз только поужинала...

Снова ложь.

– Пожалуйста, запиши мой номер... – Далее следует бесполезный набор цифр. Бесполезный, потому что записывать я ничего не собираюсь. Как и звонить. – Записала?

– Угу... Только мне ничего не нужно, Саш. Честно.

– Ты уверена?

– Естественно! Я ведь большая девочка... – злюсь, закипая, как чайник на плите.

– Кать, мы ведь друг другу не чужие...

Пока ещё нет.

– Спасибо за звонок, – перебиваю я, – и пока...

Трубка опускается на рычаг. Вот и все.

Мы ведь друг другу не чужие...

Он прав. Пока ещё не совсем. И я должна это исправить, должна отпустить Сашу, подарить ему свободу, возможно, он, в отличие от меня, придумает, что с ней делать?

День 436-й. Поход в магазин

Открываю холодильник. Ничего, кроме пачки маргарина, банки солёных огурцов. Даже яйца и те уже закончились. Вот я и столкнулась с настоящей проблемой – вылазка в магазин неизбежна, но мысль о том, что мне придётся покинуть квартиру, приводит меня в настоящий ступор и вызывает только одно желание – сбежать в детскую и закрыться, закутавшись в Сонин плед.

Слишком давно я не бывала на людях, слишком давно не дышала толпой. Вся эта человеческая суета кажется мне изнурительным испытанием на прочность.

Но делать нечего, и я иду в спальню, чтобы одеться. Хватаю первые попавшиеся джинсы и кофту. Натягиваю на себя. Когда-то я безумно мечтала похудеть. Что ж, теперь джинсы настолько велики, что почти сползают с меня. Мечты сбываются... Только не так, как хотелось. Ищу ремень. Вот он, в верхнем ящике комода.

Возвращаюсь в коридор и долго ищу кроссовки. Наконец, они отыскиваются в дальнем ящике тумбы. Верчу их в руках, рассматриваю пристально, будто никогда не видела прежде.

В последний раз мне доводилось их надевать ещё до аварии. Вся моя жизнь поделена на *до* и *после*, точно именинный торт. И на долю *после* приходится один-единственный кусочек.

Моё настоящее.

Пустое и никчёмное.

Ощущаю всю жестокость и несправедливость этого мира: жалкая вещица цела и невредима, а моей девочки больше нет... Подбородок начинает дрожать... Нет, хватит! Сую ноги в обувь, накидываю куртку и, точно вор, выскальзываю на площадку. Никого.

Перепрыгивая через две ступеньки, мчусь вниз, не желая встречаться с соседями: их расспросы мне ни к чему. Оказавшись на первом этаже, торопливо толкаю подъездную дверь, что с жалобным скрипом приглашает меня выйти в... *тот самый несправедливый мир*.

Считаю до трёх и, зажмурившись, вылетаю на улицу.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Влажный воздух лижет горло. Открываю глаза и упираюсь взглядом в небесный потолок. Тучи нависают так низко, будто желают украдкой разглядеть моё лицо, а простуженное небо громко чихает и кашляет раскатами грома – вот-вот расплчется дождём.

Ноги сами несут меня куда-то, и совершенно не важно, куда. В обнимку с ветром брожу по безлюдным улочкам города. Первые капли дождя уже резво атакуют асфальт, останавливаясь, наблюдая, как дорожное полотно темнеет под напором воды.

Постояв немного, иду дальше.

Вот любимый Сонин магазин игрушек – однажды именно здесь мы нашли редкую куколку Барби, о которой Сонечка так грезил. Кажется, где-то в кошельке у меня завалялась скидочная карта... больше не пригодится.

Шарю по карманам, в поисках кошелька и, отыскав нужную, сминаю её и выбрасываю в ближайшую урну.

Блуждаю между серыми безликими домами, что свысока на меня взирают тысячами пустых глазниц. По-моему, я забрела на заброшенную стройку. Охраны нет. Беспрепятственно вхожу в один из подъездов ближайшей высотки и поднимаюсь по едва очерченной лестнице – она даже перилами ещё не обзавелась и больше напоминает инвалида.

Совсем как я.

Стены подъезда испещрены яркими рисунками и разнообразными надписями – кажется уличные художники здесь оттачивают своё мастерство. Даже призывы отправится на три буквы выведены чётко и со всей любовью.

Ветер как будто затеял со мной игру в догонялки – сквозь пустые оконные проёмы он рыщет туда-обратно и скулит, как обиженный щенок.

На последнем этаже замечаю в потолке квадратное отверстие. Железные прутья надёжно прикреплены к основанию – лесенка меня несомненно выдержит. Карабкаюсь вверх. Что меня там ждёт? Кто его знает...

Крыша встречает новыми объятиями ветра – рваными и пронизывающими. И горой мусора. Бутылки из-под алкоголя, обёртки от сладостей и прочих подростковых радостей. Видимо, крышу облюбовали местные школьники. Грязно, но зато город как на ладони...

Подхожу к краю и смотрю вниз. Замечаю грязно-белую кошку, шныряющую в поисках еды и воровато озирающуюся вокруг.

Голова слегка кружится, ветер продолжает трепать мои волосы, словно нащёптывая на ухо: «давай же, прыгай...»

Заманчиво.

Но я поспешно отступаю от края, боясь оступиться – ничтожная часть меня все ещё надеется встретиться с Сонечкой на небесах... Поднимаю взгляд наверх, дождь теперь едва моросит – похоже, небо уже порядком выдохлось.

Всматриваюсь в мрачную серость и думаю: а действительно ли там, в облаках, восседает всемогущий Бог? Если и так, то он небось со скуки подбрасывает монетку – этому жить, а этому...

Чувствую такую нестерпимую злобу к Нему, она сочится из меня гноем, и я не выдерживаю и как заведённая шепчу:

– Ненавижу... Ненавижу... Ненавижу, – в какой-то момент голос мой набирает силу, напоминая снежную лавину, и в изрядно потрёпанном грозой небе разносится эхом: – Не-на-ви-жу!

Жду кары небесной в виде молнии, но ничего такого не происходит. Быть может ему снова не до меня. Или он знает, что смерть для такой, как я – долгожданное избавление?

Медленно бреду назад, к люку. И только ветер провожает, словно родную.

Выйдя из здания, решаю поискать кошку, раздумывая, а не взять ли её домой, но той нигде не видно. Наверное, забилась в какую-то щель и сидит, пережидая непогоду.

Направляюсь в сторону дома, знатно продрогнув, когда совершенно случайно вспоминаю, зачем я, собственно, вышла из дома.

Магазин.

Плетусь к минимаркету на углу с его молчаливыми бездушными кассами – для меня как раз самое то. Пустые безлюдные проходы радуют глаз. Видимо люди предпочли остаться дома.

Хватаю все, что попадаетея под руку – крупу, молоко, масло... лишь бы побыстрее расплатиться и исчезнуть.

Кассир равнодушно пробивает продукты и озвучивает сумму. Протягиваю заготовленные деньги, хватаю покупки и устремляюсь в ночь, не сказав «спасибо».

День 452-й. Поиск работы

Вот уже добрые полчаса я бессознательно пялюсь в газету с объявлениями о работе, что лежит передо мной. Две галочки, проставленные красной ручкой, выделяются на фоне серого текста кровавыми каплями, а я все больше понимаю, что вряд ли наберу хотя бы один номер.

Стоит только представить разговор с потенциальным работодателем, мне становится дурно, а уж если придётся пойти на собеседование, а потом исправно ходить на работу, видеться с людьми... Тошнота подкатывает комом.

Хочется измять газету и порвать в клочья, только это не поможет: Саша ушёл, и мне позарез нужна работа, ведь плату коммунальных услуг и покупку продуктов никто не отменял...

Все чаще склоняюсь к тому, что мой муж, уходя, как раз на это и рассчитывал – вынужденная мера, способная вывести меня из затворничества. Хотя... вылазка вполне могла ограничиться и походом в аптеку за упаковкой снотворного.

Но Саша слишком хорошо меня знает. Знает, что самоубийство – та черта, которую я не позволю себе переступить. По крайней мере я думаю, он на это надеется.

Как раз следующим шагом после поиска работы я планирую подать на развод. Свобода должна быть не мнимой, а настоящей. Именно такую я хочу подарить Саше – это всё, что я могу для него сделать. Но сначала – работа...

Перевожу взгляд на ненавистную газету, а потом решительно тянусь к телефону. Быстро, чтобы не передумать, набираю указанные в объявлении цифры, перед которыми в призывном кличе огромными буквами значится:

ТРЕБУЕТСЯ БУХГАЛТЕР

Далее следует описание вакансии с перечислением требований. Перечитываю текст, когда на том конце провода раздаются длинные гудки. Один. Второй. Третий.

– Здравствуй, компания STAR-X, чем могу...

Быстрым движением кладу трубку на место, прерывая словесную тираду на том конце провода. Такими темпами будет хорошо, если через неделю я осмелюсь на ответное приветствие, уже не говоря о большем. Что же делать?..

Отбрасываю газету, злясь на саму себя, только смысла в этом не больше, чем в сотрясании воздуха. Работа нужна, но как её найти, не выходя из дома? Как работать, не встречаясь с коллегами? И тут меня осеняет.

Будучи в декретном отпуске, я подрабатывала из дома: вела бухгалтерию одной фирмы удалённо. С тех пор подобные услуги, кажется, требуются даже чаще – маленьких контор, которые не могут позволить себе штатного бухгалтера, стало больше. Как-никак, а на дворе 2010-е.

Окончательно уверившись в своём решении, я выбрасываю газету в мусорное ведро, что со скрипом проглатывает свою добычу, и сажусь за ноутбук – слава Богу, что Саша оплатил коммуналку за несколько месяцев вперёд, и интернет есть.

Сайты по поиску работы пестрят разнообразными предложениями. Оказывается, с тех пор, как я в последний раз искала работу, большинство рекрутеров перекочевали в цифровой мир, как и все остальные – объявлений здесь гораздо больше, чем в газете.

Нахожу не меньше дюжины вакансий удалённого бухгалтера. Выбираю самые подходящие – без походов в налоговую и офис. И даже звонить никому не нужно, достаточно просто отправить письмо со своим резюме, что я и делаю. Теперь остаётся только ждать.

День 459-й. Долгожданное письмо

Удивительно, но за неделю проверка электронного «ящика» уже вошла в привычку. И каждый раз я открываю почту со смесью страха и надежды. С одной стороны, мне хочется увидеть заветный ответ, а с другой – безумно страшно. Как будто я перенеслась лет на десять назад, когда искала работу.

На этот раз в папке чернеет ответное письмо. Сухим официальным языком в нем сообщают, что готовы взять меня бухгалтером. Неужели так просто?.. Пробегаюсь глазами по списку обязанностей. Разбирать первичку, сводить отчёты. Ничего сложного. Доступ к программе мне предоставят. Зарплата будет падать на карту.

Идеальный вариант для той, что не желает контактировать с большим миром. Отправляю отсканированные копии документов и выдыхаю. По крайней мере, я уже не умру с голоду и смогу оплачивать квартиру. А большего мне и не нужно. Разве что... памятник.

Мысль о памятнике бьётся пойманным мотыльком – а ведь действительно, я могла бы сама заказать и оплатить установку. Поднимаю взгляд на сервант, где в рамочке с дельфинами застыло смеющееся лицо дочери.

– Я сделаю это, Пончик! – шепчу, снова давясь слезами. – Мы с тобой справимся.

День 498-й. Будущий бывший муж

С тех пор, как Саша ушёл, он неизменно звонит каждый вечер. Этакий обязательный ритуал. Обычно наш разговор не длится больше десяти секунд и проходит по одному и тому же сценарию:

- Привет.
- Привет.
- Как ты?
- Нормально.
- Тебе что-нибудь нужно?

Верни мне Соню...

- Нет, у меня всё есть.

Всё?

- Хочешь, я приеду?

Ни за что.

- Нет. Извини, мне пора.

– Пока...

Но сегодня другой случай – я знаю, о чём попросить.

- Тебе что-нибудь нужно? – привычно спрашивает Саша.

Делаю глубокий вздох и выпаливаю:

- Мне нужен развод...

Сначала чудится, что Саша положил трубку, но оказывается, что это всего лишь моё сердце забилося короткими гудками, и его стук отдаётся гулом в голове.

- Почему?..

Чувствую замешательство. Я-то боялась, что Саша станет меня отговаривать, попросит дать нам время или просто категорически откажет. А тут...

Почему?

Казалось бы, такой простой вопрос, но как часто мы не находим на него ответа. *Почему* отец предпочёл мне свободу? *Почему* мать любила Бога больше, чем меня? *Почему* Соня погибла?..

Где-то в области груди уже разрастается дыра. Что ответить, как объяснить? Если я скажу, что хочу освободить его от *себя*, он никогда не согласится. Когда оба пути ранят, какой выбрать? И я выбираю, как мне кажется, наименьшее из зол.

- Ты сам хотел, чтобы я начала жить...

- Значит, в твоей новой жизни места для меня не найдётся?

– Так будет лучше! – наконец ставлю точку, пусть она и расползается огромной кляксой в моей душе.

– Хорошо. Развод так развод... – его голос кажется каким-то чужим и бесконечно холодным, будто я окунулась в ледяное озеро. – Что от меня требуется?

- Детей у нас... *нет*.

Будто в насмешку перед глазами возникает образ из прошлого – Сонечка и Саша дурчатся, устроив настоящую битву подушками.

- Похоже, у нас *ничего* нет.

- У нас есть квартира, дача, машина... – протестую я.

- Ты ведь знаешь, что я не об этом.

Конечно, знаю.

– И всё-таки... Если нет имущественных споров, тогда всё проще и можно подать заявление через ЗАГС.

- Подавай...
- В этом-то и проблема. – Вдыхаю я. – Заявление нужно подавать обоим, или один из супругов заверяет своё у нотариуса. Ты можешь...
- Я приду в ЗАГС!
- Это необязательно, я могу и сама, ты только сходи к нотариусу...
- Ну как же. Вместе подавали, чтобы пожениться, вместе и разводиться будем! – в его словах столько издёвки, что я невольно ёжусь. – Когда?
- Может, завтра?..
- Что, не терпится, да? – теперь в его словах боль.
- Прости... Но ведь ты ушёл...
- Ты права. Мой эгоизм твердит, что зря, но я знаю – это был единственный способ вытащить тебя из твоей раковины. Значит, завтра. Во сколько тебе было бы удобно... разрушить наш брак?
- Саш...
- Не надо, Кать. По крайней мере, чтобы получить развод, тебе придётся выйти из дома и отправиться на другой конец города. Оно того стоит.
- Прости...
- Ты повторяешься. Итак, во сколько?
- Мне без разницы.
- Тогда давай с утра. Часиков в десять. Говорят, свобода натошак опьяняет.
- Ладно. – Решаю не поддаваться на провокацию. – Только не забудь паспорт. Быстро попрощавшись, я с облегчением нажимаю кнопку отбоя.
- Так будет и правда лучше. Для нас обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.